

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

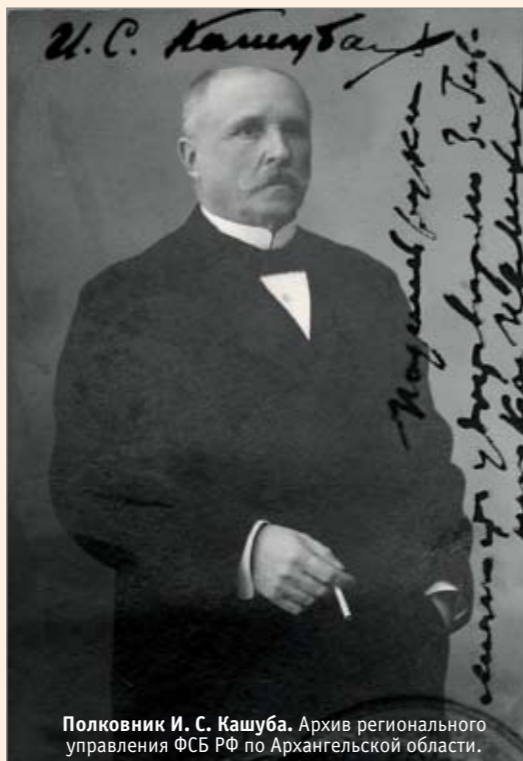
ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ ОРДИНАРЦА СКОБЕЛЕВА?

Гибель полковника Кашубы на Архангельском Севере

Морозным утром 19 февраля 1920 года белые эвакуировали Северную область, отправившись из Архангельска на ледоколе «Козьма Минин» и паровой яхте «Ярославна» в изгнание. Эвакуация не была заранее подготовлена и скорее напоминала позорное бегство, а число желавших уехать существенно превышало количество мест на этих судах. В итоге тысячи солдат и офицеров были вынуждены остаться, а эвакуировались прежде всего чины штаба главнокомандующего генерала от кавалерии Евгения Карловича Миллера, родственники и знакомые белого командования, личная охрана Миллера из датских солдат, а также архангельские купцы и спекулянты, получившие места за взятки¹.

Уже 21 февраля в Архангельск вошли части Красной армии. Новая власть сразу взялась за наведение своего, революционного, порядка. Активно выявлялись реальные и потенциальные контрреволюционеры, осуществлялась скорая расправа. Чекисты действовали жёстко, бескомпромиссно и решительно. Очевидно, чекистское руководство считало, что лучше перестраховаться и расстрелять больше, чем кого-то упустить и потом расхлёбывать последствия недосмотра. К сожалению, уровень подготовки многих сотрудников ЧК тогда ставлял желать лучшего, в результате под гребёнку репрессий постоянно попадали невинные люди, а особых доказательств, чтобы расстрелять человека, тогда не требовалось, достаточно было подозрений или факта службы у белых.

Многих из тех, кто не успел или не пожелал эвакуироваться за границу с Миллером, ждала тяжёлая участь. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров (а затем еженедельных перерегистраций) и репрессий. Несмотря на нехватку соответствующих специалистов в Советской России, репрессии не обошли стороной представителей дореволюционной военной элиты — выпускников Николаевской академии Генерального штаба. В феврале–марте 1920 года были расстреляны штабс-ротмистр Л. П. Червинский и генерал-лейтенант П. М. Баранов, в сентябре — полковник И. С. Кашуба, несколько позднее, после годичного пребывания под арестом, — полковники Н. А. Волков и Л. В. Костанди. При попытке перебраться в Финляндию в районе Онеги была арестована и этапирована в Москву супруга генерала от инфантерии

Полковник И. С. Кашуба. Архив регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области.

С. С. Саввича². Задержана была и супруга генерал-лейтенанта Н. А. Клюева³. Судьбы этих женщин неизвестны.

Полковник Иван Степанович Кашуба, если верить его следственным показаниям, был из числа тех белых офицеров, которые решили остаться в России добровольно, чтобы продолжать приносить своими знаниями и опытом пользу своей стране. Однако знания и опыт Кашубы новой власти оказались не нужны. Через день после вступления красных в Архангельск, 23 февраля, он должен был заполнить анкету пленного, в которой указал, что ему 62 года, родился он в Старой Руссе Новгородской губернии, русский, бывший дворянин. При белых служил начальником Архангельской местной бригады в чине полковника. В Северную область прибыл из Мурманска для проезда домой, в Старую Руссу, причём столь странный маршрут ничем не объяснял. Проживал на Соловецком подворье Архангельска в квартире 10⁴. В графе о составе семьи Кашуба написал, что жене его был 51 год, до-

чери — 22, сыну — 16⁵. Кашуба был женат на дочери черниговского помещика Валентине Георгиевне Янжул. Семья находилась в Ялте (на ещё неподконтрольной красным территории Крыма). Других близких, согласно анкете, у Кашубы в живых не было⁶.

На следующий день бывшего полковника арестовали, но вскоре освободили. Казалось, новая власть поверила пожилому офицеру. 10 марта его даже взяли на службу в Архангельский губвоенкомат исполняющим обязанности начальника административной части административно-мобилизационного отдела. Весь март Кашуба занимался организацией административной части и штудировал приказы Реввоенсовета республики. Кроме того, несмотря на его белогвардейское прошлое, Ивану Степановичу была почему-то доверена регистрация бывших офицеров⁷. Однако 19 мая Кашуба был вновь арестован у себя на квартире по приходе из гостей. На этот раз последствия ареста были куда более серьёзными и трагическими.

Кашуба не относился к тем людям, которые ступенькой поднимались по карьерной лестнице военной службы. Значительная часть его жизни прошла в метаниях и поисках. Он родился 27 января 1858 года в православной семье, его предки происходили из Черниговской губернии. Выбрав военную карьеру, Иван Степанович окончил 1-ю Санкт-Петербургскую

военную гимназию (1875) и 1-е Павловское военное училище по 1-му разряду (1877)⁸. Однако служба его проходила почему-то в артиллерии. Своё боевое крещение он получил ещё в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Тогда молодой офицер участвовал в боях под Ловчей и Плевной, в переходе через Балканы, вместе с армией дошёл до стен Константинополя, а также нёс ординарческую службу при легендарном «белом генерале» М. Д. Скобелеве. В сентябре 1881 года поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но учёба сложилась неудачно, и на следующий год офицер был откомандирован обратно в батарею. В 1884–1886 годах Кашуба находился в запасе, а в 1887-м был командирован для слушания курса восточных языков при Азиатском департаменте МИД. На курсах Кашуба изучил турецкий и персидский языки. Он был достаточно амбициозен, чтобы вновь попытаться счастья в академии Генштаба, куда он во второй раз поступил в 1892 году. По окончании в 1895-м курса по второму разряду он был назначен в распоряжение командующего войсками Закаспийской области, а с 1895 года занимался вопросами железнодорожного строительства и перевозок.

С началом Русско-японской войны для командира 4-го Заамурского железнодорожного батальона полковника Кашубы началась трудная работа. Приходилось не покладая рук заниматься эвакуацией железнодорожного имущества, восстановлением телеграфного сообщения, иногда под огнём противника вывозить раненых. Иван Степанович лично руководил эвакуацией станций Инкоу, Дашичао, Ляоян и Мукден. 22 августа 1904 года он под огнём противника руководил вывозом вагонов с имуществом Красного Креста со станции Ляоян⁹. В бою на реке Шах руководил поездом, вывозившим раненых непосредственно с поля сражения под артиллерийским и ружейным огнём. Наконец, высочайшим приказом от 23 июня 1907 года Кашуба по собственному желанию уволился в отставку. За годы службы он был неоднократно награждён¹⁰. Достойным итогом стал орден св. Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет беспорочной службы¹¹. Полковник некоторое время владел участком земли в окрестностях Самары, что впоследствии дало основание чекистам считать его помещиком.

Вновь на службу он устроился 1 февраля 1913 года вольнонаёмным помощником контролёра Риги-Орловской железной дороги, однако уже в марте следующего года перевёлся на ту же должность на строящуюся Мурманскую железную дорогу. Там он проработал до начала 1918-го, причём с марта по июнь 1915 года служил секретарём контроля дороги. Не участвуя в Первой мировой войне, Кашуба был рьяным германофобом. В деле сохранились его антинемецкие стихи. Например, в 1914 году в Петрограде он написал «Призыв к борьбе», где содержались такие строки:

*Так будем же помнить мы, братья по делу,
Что, близкие сердцу, герои солдаты,
Последнюю кровь проливая по телу,
Питают надежду, что их же собраты
Докончат врага и внутри государства.*

Антинемецкие настроения в стихах офицера проявлялись и в мае 1918 года, когда им в Мурманске было написано стихотворение «Предсказание». В то же время Кашуба восторженно воспринял революционные события начала 1917 года. 2 марта 1917-го он написал стихотворение «Цепи сорваны»:

*И час пробил. Воспрянул Росс... Велик и силен он могуч.
Лелея сладкую мечту, в защиту прав своих поднялся.
Прекрасен лик и смелый шаг... Но взор его мрачнее туч...
Терпел века, вдруг сбросил цепь. Решил, — и у креста поклонялся.
Потоком бурным пронеслась стена рабочих и солдат;*

Два дня прошло, и плод веков в одно мгновение распался.

Не видно крови пролитой, не узнаем Петроград.

Как дым исчез весь прежний строй, лишь только лёгкий след остался.

Разумеется, Иван Степанович тогда не мог предполагать, что вскоре и сам станет одной из жертв воспетой им революции.

Началом 1918 года датировались последние сведения, которые имел Кашуба о своей семье. О том, как он оказался в Архангельске, Кашуба показал на допросе 21 июля 1920 года: «До февраля (в послужном списке — до января. — А. Г.) 1918 г. я служил в Петрограде в Контроле по постройке Мурманской жел[езной] дороги. Отчасти недоедания и болезнь печени заставило меня бросить службу в контроле и поступить по найму в Русско-английское Т[оварищес]тво судостр[оительных] заводов в Мурманске, но т. к. Т[оварищес]тво не могло осуществить своих проектов, я был вынужден искать кусок хлеба на родине своей в г. Старой Руссе Новгородской губ., где казалась мне осталась какая-либо связь чтобы пристроиться к какому-либо учреждению, но, несмотря на все мои попытки пробраться в Старую Руссу через Петроград этого сделать не удалось. Единственный знакомый человек в Мурманске оказался Генерал Звегинцев, с братом которого я был в академии Генерального Штаба.

Звегинцев дал возможность выехать в Арх[ангельск]. Запас денег подходил к концу и мне угрожало оказаться без места и хлеба. Это было кажется 3–4 июля 1918 г., после чего мне скоро удалось отправиться в Арх[ангельск], куда я прибыл в средних числах июля»¹².

При таких обстоятельствах для бывшего полковника-генштабиста началась Гражданская война. И так, на военную службу Кашуба попал только летом 1918 года по приглашению начальника русских сил Мурманского края генерал-майора Н. И. Звегинцова (Звегинцева), много сделавшего в той переменчивой обстановке для создания на Мурмане русских вооружённых сил. В послужном списке поступление полковника на военную службу датировано лишь 17 июля. Видимо, сам того не зная, Кашуба оказался на службе в антибольшевистских формированиях на Мурмане. Впрочем, конкретного назначения он тогда ещё не получил. По распоряжению Звегинцова Кашуба выехал в красный Архангельск, куда прибыл не в середине месяца, как в показаниях, а 21 июля и занялся, очевидно, подпольным формированием и подготовкой создания штаба армии Мурманского края. В ночь на 2 августа в Архангельске в связи с приближением союзников произошёл антибольшевистский переворот, власть большевиков пала, а наш герой уже 7 августа получил назначение на должность начальника канцелярии военного отдела Верховного управления Северной области (ВУСО)¹³.

Но чекистов больше интересовала не военная служба Кашубы у белых, а те люди, с которыми он общался вне службы. На допросе арестованный показал: «Арх[ангельск] для меня город незнакомый, из разговоров с публикой парохода я узнал, что легче всего отыскать квартиру можно было в соловецком подворье.

Настоятель подворья отец Серафим посоветовал мне остановиться в кв[артире], занятой С. И. Коржавиным, где кроме [н]его никого не было.

Это было первое моё знакомство в Архангельске.

Ввиду того, что я христианин, я был очень доволен, что мог при помощи С. И. Коржавина, заведыв[ающего] лавкой О[бщес]тва Люб[ите]лей духовного просвещения, ознакомиться с духовной литературой, с которой я был очень мало знаком.

Со времени февральской Революции я задался целью писать историю Революционных движений в России по возможности с объективной стороны, для чего приобретал по мере сил и возможности книги, касающиеся Револ[юционного] движ[ения] в России

и попутно с этим для всестороннего освещения текущих событий попадались разные брошюры и карточки-открытки, тесно связанные с ходом Революции и бытовой стороны.

С Коржавиным установились чисто религиозные отношения, т. к. друго[го] от него я ничего не мог вынести.

Мне он нравился как человек очень порядочный, некорыстолюбивый, что в данное время мною очень высоко ценилось.

Никуда не выходя из дому, я усердно занялся только лишь чтением церковных сочинений.

Вскоре я познакомился и с его братом В. И. Коржавиным, знатоком Священного писания¹⁴.

Нежданно-негаданно для бывшего генштабиста Архангельск превратился в очаг одного из антибольшевистских фронтов. В изложении Кашубы произошло это так: «Числа около 30 июля я заметил тревожное состояние в Архангельске, не желая принимать какое бы то ни было участие в политической жизни, я счёл нужным перебраться в деревню Н. Ладино, где по слухам через несколько дней узнал об оставлении Архангельска сов[етской] властью.

Прожив с неделю в деревне, я выехал в город, полный тревожных ожиданий.

Душевное состояние было настолько тяжело, что я не находил себе места. 7-го Августа я встретил Звегинцева, который упросил меня посодействовать в формировании канцелярии. Я долго не соглашался, но в виду отсутствия денег я был вынужден принять¹⁵. Указание на то, что Кашуба долго не соглашался, кажется несколько преувеличенным, особенно если учесть, что в тот же день он уже числился на этом посту. Сам Звегинцов 7 августа занял пост управляющего военным отделом ВУСО и пробыл в этой должности до начала октября.

Так, если верить Кашубе, вроде и не вполне добровольно началась его служба белым. Впрочем, бывший офицер, очевидно, сгущал краски, чтобы не выглядеть сознательным белогвардейцем. С 1 сентября 1918 года Кашуба числился запасным членом особого военного суда¹⁶. Одновременно являлся начальником строевого отделения военного управления Северной области. Уже 15 сентября Кашуба по ещё одной своей должности начальника канцелярии разработал для ВУСО важный доклад о временных штатах военного отдела¹⁷. С 6 октября он стал членом комиссии по розыску и регистрации казённого имущества при управлении командующего войсками Северной области¹⁸. Позднее он занял пост председателя этой комиссии, а с 1 февраля 1919 года был назначен начальником Архангельской местной бригады¹⁹.

О том, что происходило далее, он показал: «Служба была не по мне, и я просил о назначении меня членом Комиссии по отысканию казённого имущества, где я пробыл до февраля 1919 года.

С распадом Комиссии мне было предложено место Нач[альника] Арх[ангельской] местной бригады.

Будучи занят делом с утра до вечера, я не имел возможности ни посещать увеселительных мест, ни приобретать себе знакомых²⁰. При этом Кашуба считал себя лишь слепым исполнителем: «Роль моя была настолько незаметной, что я был чисто простым исполнителем приказаний, касающихся специальной службы, как Нач[альника] бригады»²¹.

Обложка архивно-следственного дела И. С. Кашубы. Архив регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области.

Архангельских чекистов по-прежнему интересовало внеслужебное знакомство Кашубы с братьями Коржавиными. На это арестованный показал: «В д. Н. Ладино я побывал лишь раза 2 в [19]19 г. и только на несколько часов в Большие праздники»²². Тогда следователь задал вопрос: «Признаёте ли вы поездку из Бакарицы в д. Н. Ладино в Марте с/г вместе с зав[едующим] завода Бакарицы Садовским и ему близкими лицами Карповым, Дурневым, Кырсановым и Каринским?» Кашуба в ответ сообщил: «Последний выезд мой из Архангельска был по делам службы в Мурманский край, кажется, в начале декабря 1919 года с ревизией комендантов Повенецкого, Кемского и Мурманского. Пробыв в командировке с месяц, я дальше Архангельска абсолютно никуда не выезжал до дня ареста в первый раз, т. е. 24 февраля и по настоящий день.

С 10-го Марта я был назначен Венеруком Черкасовым Нач[альником] адм[инистративной] части Архгубвоенкома и весь март месяц я провёл в неустанной работе по организации адмчасти

и знакомству с приказами Реввоенсовета. О выезде куда-либо по личному желанию я не мог даже и мечтать...»²³ Также Кашуба добавил, что «упомянутых лиц в поездке со мной с Бакарицы в д. Н. Ладино я в положительном смысле не знал до того, как вот только на днях познакомился с Бугаевым и с Садовским и Никитиным только сегодня, а последних до сих пор не знаю»²⁴.

В деле имелись материалы, которые могли быть обращены против полковника. Например, ряд националистических призывов антисемитского и антинемецкого содержания, некоторые из которых носили также антибольшевистский характер. Антисемитская и антибольшевистская листовка «Голос добровольца 60-ти лет» вполне могла быть написана им самим, поскольку его возраст примерно соответствовал заявленному в названии документа. Документ не противоречил националистическим воззрениям Кашубы в дореволюционный период, равно как и его склонности писать на общественно-политические темы. В листовке говорилось, что «из воззваний Правительства (Миллера. — А. Г.) видно, что победа необходима и недалеко, и я скажу, что победа необходима и будет недалеко над сатанинской гидрою, возглавляемую жидоталмудистскою ересью, описываемую в сионских протоколах, разыгрываемых, как по нотам, только при одном условии, что добровольческие силы старцев от 50 до 70 лет будут употреблены на дело, соответствующее их званию и способности, между которыми много чиновников, уболеных сединою. Но что же они делают? А окарауливают комиссаров в Кегострове, вода их попарно к речке на горшок в ночное время! Подумайте, граждане, какая внимательность к командирам шайки грабителей — бандитов, которые должны бы быть приставлены к стенке или в лучшем случае отправлены на Новую Землю или же в Английские шахты для добывания каменного угля, что дало бы возможность удешевить доставляемый нам уголь. И только спокойных и менее причастных к организации большевизма следует оставить внутри страны и не иначе, как под охраною ими же ограбленных лиц, а не чиновников...»²⁵

Следователь спрашивал Кашубу: «Признаёте ли вы обнаруженные при обыске вашей квартиры сочинения, статьи, стихи

и прокламации, а именно: Выписка из Талмуда, гл. 4 на 12 листах, Провидение, касательно главы 10 ст. 22 Еванг. от Матвея, обращение к братьям по крови, голос Добровольца 60 лет и Список Добровольцев и союзных солдат, отличившихся в боях с кр[асноармей]цами в Онежском районе?» На это полковник отвечал: «Кроме списка и Удостоверения о личности Прутковского, которые при спешности его поездки были у меня им случайно оставлены и голоса добровольца 60-ти лет, которое я не припоминаю, как будто бы кто-то обра[ща]лся ко мне для просмотра и помещения в печать на что я резко возразил и советовал позабыть об осуществлении своего желания, исходило от моей руки, но выпущено в печати не было»²⁶. Таким образом, арестант отрицал авторство листовки, но признался, что составил другие бумаги. Едва ли эти материалы собирались им в качестве исторических свидетельств, о чём Кашуба говорил на допросах.

Свои показания он завершил просьбой: «Желая всею душою принять участие в деле строительства будущей России, я с полной готовностью посвятил бы последние годы по разным специальностям, которые были изучены мною в течение многих лет страдальческой жизни; как то: по нивелировке местности; съёмки участков, в Инспекции по должности контролёра Народного хозяйства и в Министерстве иностранных дел, как знающего языки, Французский, Турецкий и Персидский»²⁷.

21 июля 1920 года, понимая, что показания могут быть истолкованы не в его пользу, заключённый 18-й камеры Архангельского губернского исправительного дома Кашуба подал заявление в особый отдел при Архангельской ГубЧК, где ещё раз поведал о своих мытарствах: «В ночь с 19-го на 20-е мая сего года я был арестован на квартире (Соловецкое подворье, по набер[ежной] Северн[ой] Двины, кв. № 10) распоряжением Архгубчека. 20-го мая был снят с меня допрос одним из следователей, фамилию которого я не знаю. На предьявленное ко мне обвинение в контрреволюционном выступлении, я не имел возможности дать иного объяснения, кроме ответов в категорической форме на короткие вопросы следователя.

Такой допрос невольно влечёт за собою ошибки вследствие однобокости объяснения и ставит как обвиняемого, так и судебной или административный орган вне истины.

Глубоко ценя Советскую власть как строительную силу, я с открытой душой перешедший со всем наличным составом бывшего Управления Архангельской Местной Бригады, положительно страдаю (душой) (зачёркнуто в документе. — А. Г.) за каждый отдельный промах власти, поэтому прошу выслушать моё объяснение во имя справедливости, в которой так нуждается всякое новое правительство.

В отставку я вышел в июле 1907 года, после чего я пробивался личным трудом, получая ничтожную пенсию, переданную мною целиком семье... Живя в Петрограде, не имея возможности по нездоровью принять посильное участие в Отечественной войне, я работал по мере сил и возможности в Обществе борьбы с немецким засилием. Как всякая партия и политическая платформа, общество это имело свои ошибочные тенденции, которые меня как человека, пожилого и испытанного на себе всевозможные удары судьбы, не могло удовлетворить, благодаря чему я разошёлся с главным составом Совета старшин, перешёл открыто на сторону революции, но по нездоровью не мог принять участия в движении личной работой и ограничился советом при выступлении рабочих Путиловского завода, стоя на точке зрения окончания войны с германцами, считая их главными виновниками народных бедствий. Из имевшихся под рукой достоверных сведений было известно, что лучшие земли и уголья на юге, Волге и западном крае были приобретены немцами, сосредоточившими у себя львиную долю капиталов России, которую и до сих пор считаю далеко не причастной к кругу капиталистических стран.

Как христианин, я близко понимаю сердцем коммунизм Советской России; сочувствуя ему всей душой, я всегда отрицал личную собственность и лично перестал быть собственником с 1880 года, когда продал клочок земли, перешедший в моё владение по смерти отца (8 десятин в Стародубском уезде Черниговской губ.) — единственную недвижимость в течение всей моей жизни.

Чтобы избежать голодовки в Петрограде, где я продолжал систематически переносить страдания печени, я перешёл в феврале 1918 года на частную службу в Русско-Английское Товарищество судостроительных заводов в гор. Мурманске, но товарищество скоро должно было ликвидировать деятельность, и я остался без куска хлеба.

В Июне 1918 года, намереваясь ехать на родину в гор. Старую Руссу, я тщетно пытался выехать из Мурманска через Петроград, и только в начале Июля²⁸ 1918 года кое-как мне удалось выехать в Архангельск, где Советская власть была вне зависимости и влияния англичан, продолжавших вмешиваться в дела Советской России на правах врагов Германии. Но по приезде в Архангельск я, к сожалению, увидел, что власть колеблется, и хотя я и не был в курсе политики, но чувствовал, что-то недоброе: о выезде в Старую Руссу, не имея никакой рекомендации, я перестал и мечтать. Что делать? — Ни денег, ни физических сил.

Настоятель Соловецкого подворья Отец Серафим рекомендовал мне остановиться и просить разрешения жить у бр[атьев] Коржавиных, к которым я и обратился с просьбой принять меня на хлебником. В Архангельске не было ни одного знакомого. Вот при каких обстоятельствах я въехал в незнакомый для меня город. Мог ли играть я какую-либо роль, не утвердившись и в Мурманске, где случайно перед самым чуть ли не отъездом, познакомился с Генер[алом] Звегинцевым.

До 6-го августа с 30-го июля 1918 года, насколько мне помнится, я прожил в дер. Ниж. Ладино у Братьев Коржавиных, любезно предложивших мне у себя приют.

Начиная с февр[аля] 1917 года, когда революция в России считалась уже неизбежно-роковой, я решил заняться историей революционных движений в России и стал приобретать по мере сил и возможности источники по русской истории и всего того, что могло касаться каким бы то ни было образом истории этого движения. Как курьёз у меня оказалась и группа карикатур, не имеющих никакой цены при объективном отношении к делу, и стихотворение Пуришкевича, и целый ряд разных быть может выступлений, вроде голоса 70-летнего старика и т. д. — выступлений чисто частного характера, всё это было приобщено к делу о моём расследовании и конечно послужило единственным мерилом моего обвинения.

Что я вёл в Архангельске отшельнический образ жизни, свидетелями могут быть такие лица, как Начальник статистического отдела Товарищ В. Пландовский и Самуил Иосифович Добрин.

Между тем, по прошествии 2-х месяцев сидения в Исправдоме, я случайно познакомился с Бугаевым, Починковым и третьим, фамилию которого даже и не помню, которых следователь при допросе спрашивал, не состоял ли я с ними в какой-либо организации.

Подобное недоразумение, невыяснение предварительно перед решением, может меня поставить в положение тяжкого преступника, ни на йоту не подвинув дело правосудия и окончательно заставит отрешиться принести посильную пользу в строительстве дорогой родины.

Владея французским, турецким и персидским языками, я мог быть полезным и на этом поприще. Считаю долгом обратить внимание, что несмотря на полную возможность выехать к дочери за границу, я добровольно решил посвятить себя строительству Новой России»²⁹.

Показания крестьянина В. И. Коржавина, записанные малограмотным следователем, давали основания для беспокойства,

т. к. согласно этому документу Кашуба (сохранена орфография оригинала. — А. Г.) «служил у Миллера в управлении дивизиона и говорит нарочно остался здесь (здесь и далее подчёркнуто кем-то из сотрудников ГубЧК синим карандашом. — А. Г.). Не уехал с Миллером. Чтоб Организовать отряды и подготовится к приходу Миллера и выяснил, что у них в настоящее время Организация продолжается»³⁰. Подобных обвинений тогда было достаточно для расстрела. Следователей не особенно беспокоило то, что бывший офицер явно выделялся из группы крестьян, проходивших вместе с ним по одному делу. В то же время в более поздних показаниях Коржавин не подтвердил, что Кашуба остался в Советской России специально с диверсионной целью³¹.

Обвинение было следующим: «Кашуба Иван Степанович за время царившего на севере генеральского произвола с Августа 1918 года по 19 февраля настоящего года ярко проявил себя в деле удушения Советской республики, что устанавливается произведённым расследованием и имеющимся материалом в деле... После очищения севера от белогвардейщины Кашуба, применив свой опыт и практику в деле замаскирования своей личности³², пробрался в Губвоенком и, состоя на ответственном посту в советском учреждении, проживая квартирой в Соловецком подворье, не постыдился продолжать среди тёмных масс втихомолку сеять смуту против Советского Строительства, применяя вышеозначенное на почве религиозности... и кроме того Кашуба в то время был заинтересован широкой наглостью по отношению к Советскому Правительству вообще и в частности помещал высшей наглости статьи в газетах, издавая всевозможные брошюры и т. д.»³³ Фактически обвинение сводилось к ведению антисоветской агитации после ухода белых, доказательств чему в деле не имелось.

Тем не менее приговор гласил: «Принимая во внимание всё вышеизложенное и находя предъявленные обвинения в полной мере доказанными и как лиц, не заслуживающих никакого снисхождения, до последнего времени подготовляющихся и привлекающих в свою организацию через посредство религиозности всё новых членов, дабы при первой же встретившейся для них возможности нанести удар по спине Советской Власти и тем самым увеличить потоки рабоче-крестьянской крови, руководствуясь инструкциями и разъяснениями В.Ч.К. и распоряжениями Советского Правительства: КАШУБУ, КОРЖАВИНЫХ ВАСИЛЬЯ и СЕМЁНА, ПЕРМЯКОВА, БУГАЕВА, НИКИТИНЫХ В. Ф. и В. В., ПОЧИНКОВЫХ МИХАИЛА и ПАВЛА, НИКИТИНА А. В., САДОВСКОГО, ДУРНЕВА, КАРПОВА, МИТРОФАНОВА и ШАХНОВУ, как не давших при опросах ни малейшего раскаяния в своих преступлениях, подвергнуть высшей меры наказания (расстрелять)...»³⁴

Отсутствие раскаяния обвиняемых крестьян понятно: мало кто из них вообще понимал причины своего ареста. Многие были людьми немолодыми, вся вина которых заключалась в участии в

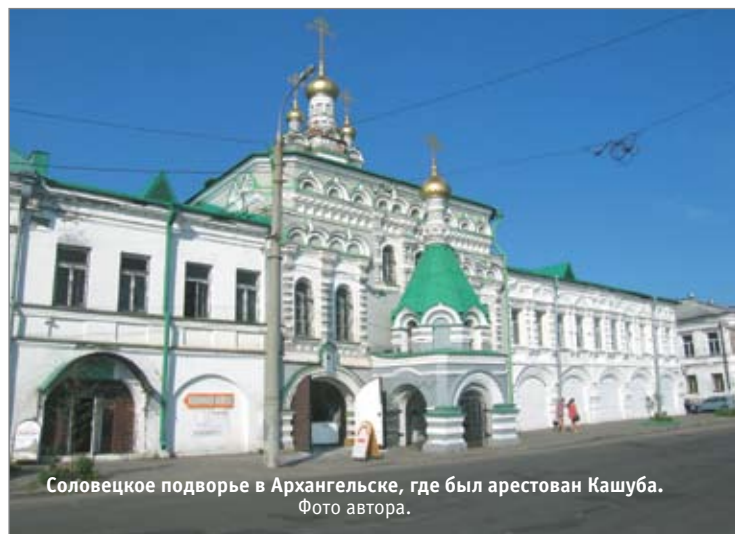
религиозных собраниях и распространении духовно-нравственной литературы. Участвовал ли в этой деятельности полковник Кашуба — неизвестно. Фактически его «вина» заключалась в том, что он оказался не в том месте не в то время. В общей сложности в 1920–1921 годах на Архангельском Севере были расстреляны сотни офицеров и нижних чинов белых армий³⁵. Как отмечалось в одном из советских документов, датированных сентябрём 1921 года, «красный террор ступеневал все выше насилия белых»³⁶.

Одним из множества расстрелянных офицеров оказался полковник Кашуба — некогда ординарец легендарного Скобелева. Приговор был утверждён на заседании Архангельской ГубЧК 4 сентября 1920 года³⁷ и приведён в исполнение, по всей видимости, в Холмогорском концентрационном лагере в сентябре. Точной даты приведения приговора в исполнение в деле не имеется. Парадокс истории — необходимый новой власти знаток восточных языков был репрессирован в самый разгар большевистских попыток советизировать Персию и заключить союз с Турцией.

6 июля 1992 года Кашуба был реабилитирован как необоснованно репрессированный по политическим мотивам. Реабилитированы были и остальные 14 расстрелянных по этому делу, вся вина которых заключалась в том, что они просто были верующими людьми.

Выражаю сердечную признательность д.и.н., проф. В. И. Голдину, к.и.н. А. Н. Теребихиной (Архангельск) и архивной группе регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области и лично Н. Г. Галкину и Н. А. Дудолодовой.

Все фотографии публикуются впервые.

Соловецкое подворье в Архангельске, где был арестован Кашуба.
Фото автора.

Примечания

1. Соколов Б. Ф. Падение Северной области//Архив русской революции. Т. 9. Берлин. 1923. С. 66.

2. Там же. С. 89.

3. Там же. С. 64.

4. На ноябрь 1918 года — там же, кв. 22//Регистрационный лист № 490 от 28.11.1918//РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 135а.

5. Дочь Кашубы Валентина родилась 2 мая 1898 г., сын Валерий — 1 января 1904-го.

6. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-2851. Оп. 6. Д. 4. Л. 125.

7. Архив регионального управления (РУ) ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 345.

8. Регистрационный лист № 490 от 28.11.1918//РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 135а.

9. Послужной список. Составлен со слов 19.10.1918//РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 118. Л. 185 об.

10. Орденами св. Анны 2-й ст. с мечами, 3-й ст. и 4-й ст. с надписью «За храбрость», св. Станислава 2-й и 3-й ст., черногорским крестом св. Даниила 1 4-й ст., бухарской золотой звездой 4-й ст., светло-бронзовой медалью в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., бронзовой медалью за участие в переписи

населения, серебряной медалью в память царствования императора Александра III и черногорской светло-бронзовой медалью за участие в Русско-турецкой войне//Там же. Л. 182 об.

11. Регистрационный лист № 490 от 28.11.1918//РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 135а.

12. Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области.

Д. П-18404. Л. 136–136 об.

13. РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 118. Л. 182 об.

14. Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области.

Д. П-18404. Л. 136 об.–137.

15. Там же. Л. 137–137 об.

16. Приказ войскам Северной области 1918. 06.10. № 20.

17. Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области.

Д. П-18404. Л. 130–130 об.

18. Приказ войскам Северной области 1918. 06.10.

№ 22//ГААО. Ф. И-32. Оп. 5. Д. 1. Л. 47.

19. Приказ генерал-губернатора Северной области.

1919. 07.02. № 17//ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

20. Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области.

Д. П-18404. Л. 137 об.

21. Там же. Л. 138 об.

22. Там же. Л. 138.

23. Там же.

24. Там же. Л. 139 об.

25. Там же. Л. 105.

26. Там же. Л. 139.

27. Там же.

28. По другим документам, Кашуба выехал в Архангельск во второй половине июля 1918 года. — А. Г.

29. Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области.

Д. П-18404. Л. 140–141 об.

30. Там же. Л. 8.

31. Там же. Л. 160.

32. На самом деле Кашуба никак не скрывал свою личность. — А. Г.

33. Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области.

Д. П-18404. Л. 346.

34. Там же. Л. 346 об.

35. Архангельск. Расстрельные списки 1921 года./

Подг. текста и послесловие Ю. В. Дойкова. Архангельск. 2000. С. 3.

36. Дойков Ю. Красный террор на Севере. Вып. № 1. Архангельск. 1993. С. 12.

37. Этот документ опубликован: Расстреляны Архангельской Губчека (1920–1921 гг.). Списки расстрелянных. 300 имен. Подг. Ю. Дойков. Архангельск. 2001. С. 7.